Павел БУНИН: ВОВРЕМЯ ПРОЧИТАТЬ ХОРОШУЮ КНИГУ

ВСТРЕЧИ И ТРУДЫ ИЗВЕСТНОГО ХУДОЖНИКА

"Пушкин — это наше все", — повторяем мы снова и снова. Для художника, переводчика английской литературы Павла Бунина Пушкин — это мир, в который он погружен сколько себя помнит. Еще в 1937 году девятилетний Павлик участвовал в выставке со своими иллюстрациями к поэме "Руслан и Людмила". С тех пор художник сделал более тысячи "пушкинских" рисунков. В начале семидесятых высоко ценившие талант художника С.Коненков, П.Антокольский, С.Михалков, Ю.Завадский, И.Андроников обратились к книжным издательствам с просьбой познакомить читателя с Пушкинианой талантливого мастера-иллюстратора. Но никого это обращение не вдохновило. И только сейчас, накануне двухсотлетнего юбилея поэта, вышел альбом Павла Бунина, работа над которым забрала несколько десятилетий.

— Павел Львович, как начиналась ваша Пушкиниана?

— Сколько себя помню, я всегда рисовал. Очень любил ходить в зоопарк, наблюдал за животными, делал наброски. Однажды там меня заметил прекрасный художник Ватагин. Мы с ним подружились. Интересно, что он иллюстрировал "Маугли" Киплинга, а десятилетия спустя я увлеченно переводил этого замечательного поэта.

А с Пушкиным вышло так: печально известный 37-й год был, между прочим, пушкинским годом. 100-летие со дня смерти Александра Сергеевича страна широко отмечала. Появились даже этикетки на спичечных коробках, школьные тетрадки с профилем поэта. В Историческом музее была организована выставка, на нее-то я и попал со своими рисунками. С этого все началось.

Меня занимали пушкинская эпоха, XIX век, красавцы офицеры, дамы в изысканных нарядах... В годы репрессий, борьбы с космополитизмом книги и карандаш отвлекали меня от мерзостей жизни. Читал много. Вы знаете, главное — вовремя прочитать хорошую книгу. Читать надо не для того, чтобы эти знания в жизни пригодились. Важно бескорыстное любопытство. Себе в радость. В доме была большая библиотека: вольфовские издания в зеленых, красных переплетах с золотыми обрезами. Правда, книги пришлось потом продать — жили мы крайне скудно, голодали. И когда с бабушкой я вез в авоськах книги дедовой библиотеки, то чувствовал себя негодяем, продающим нечто родное, кровное.

"Гаврилиада".

— Стены вашей квартиры увешаны пожелтевшими фотографиями, портретами близких вам людей. Каким был ваш Дом?

— Моя семья — это мама Нина Григорьевна, бабушка Ольга Николаевна и дед Григорий Васильевич. Он был инженером, учился в Гейдельберге, хороший музыкант, с бабушкой познакомился на Вагнеровском фестивале. Она была тогда бесприданница-курсистка. В семье чувство Дома сохранялось долго. Это была, по прекрасному старорусскому слову, Стена Нерушимая. Стена рухнула. Сначала мы остались без деда, затем без маменьки. Ей было 52 года, когда она умерла: слишком хрупкой оказалась для эпохальных событий. Ольга Николаевна выдержала. И натура крепче, и характер стальной, и, как выразилась моя тетка, "тридцать лет прожила при нормальной жизни". Между прочим, с бабушкой захотел познакомиться Корней Иванович Чуковский, с которым я дружил и который был наслышан о ней. И эта встреча произошла в ломбарде, где Корней Иванович помогал мне перезакладывать вещи.

— Ваша дружба с Чуковским продолжалась несколько десятилетий. Всеми признанный мэтр советской литературы и 16-летний мальчик, страницами цитирующий по памяти полюбившиеся книги... Как случилось это знакомство?

— Произошло это в 1944 году, я учился в школе. Как-то прочитал статью Чуковского об Оскаре Уайльде, и она мне страшно понравилась. Я решил сказать об этом Корнею Ивановичу и помчался к нему в Переделкино. Вот так и началось. Уайльд оказался далеко не единственной точкой соприкосновения. С Корнеем Ивановичем вовсе не требовалось непременно вести умные разговоры, можно было и вообще не говорить. Он сидел за столом и правил корректуры, а я где-нибудь тут же в кресле, вытащив с полок не менее дюжины книг и почти всегда среди прочих — "От Чехова до наших дней" Корнея Чуковского.

Приходилось мне занимать у него деньги. Я всегда привозил долги вовремя, вызывая неизменный, но довольный смех: "Не понимаю — другие строят на мои деньги дачи и не отдают ни копейки. Говорите прямо — вы замыслили какую-то адскую интригу?" Тянуло меня к нему, как мало к кому. Некоторая доля симпатии, кажется, была и с его стороны. Ведь достаточно мне было на некоторое время по тем или иным причинам исчезнуть — и от него шли письма с запросами — где я, что, как?

Как-то Корней Иванович заметил: "Ваши лучшие годы — еще в будущем. Когда вы будете катать мемуары. Представляю, сколько наслаждения вы получите..." Я сейчас "катаю мемуары" и, как и предсказывал Корней Иванович, получаю наслаждение...

— Вам приходилось работать исключительно для заработка?

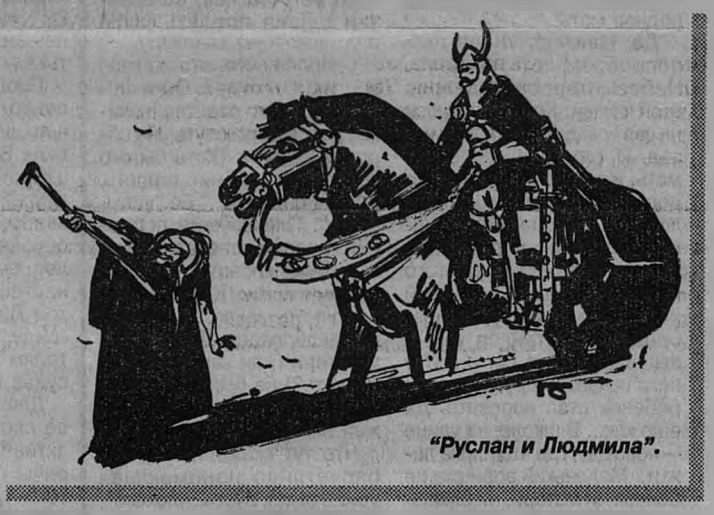
— Еще как приходилось! Даже в свое время издал альбом "За Советскую власть!" с предисловием Бориса Полевого. Альбом этот почему-то страшно любят иностранцы.

В пятидесятых я работал уже в книжном издательстве, появился постоянный заработок, но "пятый пункт" сильно осложнял мне жизнь. И потом — я не любил разные мероприятия, проводимые Союзом художников, — собрания, голосования. Может быть, и по этой причине мой пушкинский альбом при советской власти так и не вышел.

Но я иллюстрировал не только Пушкина. Шекспир, Данте, Омар Хайям, Гете, Карамзин, Лермонтов также занимали меня. Как-то я, застав свою бабушку Ольгу Николаевну за изучением настольного календаря, заметил: "Есть книги и поинтереснее". Она в ответ: "Ты глупости не говори, а обрати внимание, что через два месяца юбилей Шекспира. Работай". Мои "юбилейные" работы брали газеты, журналы, выплачивая скромные гонорары. Так, совмещал приятное с полезным. Когда не рисовал, занимался переводами английских поэтов. Несколько лет назад вышла книга моих переводов "И скажи ей, что она твоя любовь".

— В конце семидесятых, когда, казалось бы, ваша жизнь наладилась — выходили книги с вашими иллюстрациями, появилась мастерская, гонорары, вы уехали из страны. Что вам дал девятилетний опыт пребывания в Европе?

— Я уехал, когда умер мой самый родной человек — Ольга Николаевна. Я остался один. Сразу пропал интерес к успеху — для кого? И к заработку — для чего? Осталось одно — глотнуть свежего воздуха, которого в бытность товарища Брежнева становилось все меньше. Уехал в никуда, без денег. С собой взял лишь одни рисунки. Оказалось, что они не так уж плохи. На Западе вообще быстро выясняется, чего ты стоишь. За девять лет жизни в Вене, Париже, Лондоне у меня было тридцать выставок. Что мне дали эти годы? Уверенность в себе — это не так уж и мало. Главное — изжить страхи.



"Руслан и Людмила".

— Пушкин, многие творения которого вы знаете наизусть, был, как сейчас говорят, "невыездной" и при этом совершенно европейский человек...

— Все очень просто. Какие книги были в библиотеке любой дворянской семьи? Конечно же, французы! Откройте Пушкина: великий поэт пронизан европейскими проблемами. В своей знаменитой речи Достоевский назвал это прекрасным словом "всечеловечность". Что, конечно, нисколько не мешает вновь и вновь назвать Пушкина первым именно из русских поэтов, несмотря на его "арапский профиль".

— Павел Львович, прожив немало в Европе, оставив австрийское гражданство, вы все же вернулись в Москву, где у вас нет даже мастерской...

— Я не могу объяснить свое возвращение... Мы же не логические машины. Великий Киплинг, которого я очень люблю, заметил на сей счет:

Мы сердцем своим
в колыбели,
В стране, где потратили труд.
Надежду и веру и гордость —
Все в почву вложили мы тут...

Беседовала
Ольга МАСЛОВА.

Ленинград-1988-19 июня-С.5.